

М. НАППЕЛЬБАУМ

Встречи с Владимиром Ильичем

В морозный пасмурный день в январе 1918 г. еду в Смольный: мне предстоит фотографировать Владимира Ильича Ленина.

У колонн Смольного два орудия охраняют вооруженные красногвардейцы. На лестнице в нише поставлен пулемет. Меня пропускают в здание, в высокий, длинный, узкий и темный коридор Смольного.

В комендатуре получаю пропуск и направляюсь на третий этаж. Вооруженная охрана тщательно проверяет мои документы.

Молодая девушка, сидевшая за барьером, встала и провела меня в приемную. Здесь Владимира Ильича ожидало двое широкоплечих и загорелых рабочих.

Я имел тогда смутное представление о большевиках и о вожде революции товарище Ленине. Пусть не покажется современному читателю наивным, но я серьезно думал встретить человека, похожего на одного из известных мне по литературе героев Французской революции, в черном длинном сюртуке, опоясанного красным шарфом и с кобурой. Но к нам вышел, на первый взгляд, самый обыкновенный и на редкость скромный человек, невысокого роста, одетый в обыкновенную тройку, простой в обращении, подвижной, сосредоточенный и как-то внутренне собранный. Имя этого человека тогда уже знал весь мир.

С огромным вниманием, с легкой и почти неуловимой улыбкой слушал Владимир Ильич рабочего. Как фотограф-портретист, я восхищался головой гения. В Ленине, спокойном и уверенном, сразу чувствовалась непоколебимая внутренняя воля. Рабочие, приехавшие из Белоруссии, требовали национализации предприятия, на котором они работали. Владимир Ильич с явным удовлетворением слушал рабочих. Тут же, стоя, товарищ Ленин заправил самопишущую ручку и, написав записку, отдал ее одному из рабочих. Потом он обратился ко мне.

Кто-то из присутствующих, основываясь на ошибочном мнении, что для фотосъемки нужно много пространства, предложил пойти в большой конференц-зал Смольного.

Входим в зал. Огромная длинная комната почти вся была занята столом, покрытым красным сукном. Не желая беспокоить Владимира Ильича, я не решился предложить другое место для съемки и стал пристраиваться.

Сквозь узкие верхние окна проникал серый неактивный мглистый свет петербургского дня. Штатив, на котором была установлена моя дорожная камера 24 x 30, все время скользил по паркету зала. Пока я возился с аппаратом, товарищ Ленин не прекращал работы. Ежеминутно в конференц-зал прибегали с бумагами, и Владимир Ильич разбирал их, надписывая резолюции своим торопливым почерком.

К сожалению мой фотоаппарат был снабжен объективом Фотхлендера «Колинеар» невысокой светосилы 1:7. Зато пластинки у меня были первоклассные.

Я стал изучать черты лица Владимира Ильича. С его губ не сходила еле заметная улыбка. Меня поражали в Ленине его пронизательный взгляд, почти неуловимая ирония в глазах, прекрасно развитый лоб большого ученого. Но я видел перед собой не только ученого и теоретика, но и вождя рабочих.

Я долго не мог сосредоточиться, найти нужную точку съемки. Я боялся трафарета. Мне хотелось запечатлеть на стекле живой, реальный образ гения Пролетарской революции.

Товарищ Ленин продолжал работать, наклонившись над бумагами. Я воспользовался моментом и сделал съемку. Мне показалось, что снимок получился монотонный, не вполне удачный. Я попросил Владимира Ильича облокотиться на спинку кресла. Владимир Ильич терпеливо подчинился.

Неожиданно лучи заходящего зимнего солнца, проникнув в зал сквозь тусклые стекла окон Смольного, осветили лицо и голову Ленина. Чтобы подчеркнуть поразившие меня очертания головы, я приподнял при съемке аппарат. Желая уловить выражение глаз и освещение лица, я рискнул недодержкой, — поторопился закончить съемку. Чтобы подчеркнуть ширину плеч, как мне казалось характерную для Владимира Ильича, я взял пластинку в ширину.

К сожалению, мы имеем немного фотопортретов Ленина, и, по-моему, ни в одном из них нет столь характерного выражения, какое мне удалось подметить и которое мне помнить и по сей день.

Вторично я фотографировал Ленина в Кремле на первом конгрессе III Интернационала. Я зафиксировал тот момент, когда Владимир Ильич объявил конгресс закрытым. Это был величе-

ственный и торжественный момент. Все присутствующие встали со своих мест. Товарищ Ленин первым зашел: «Вставай, проклятьем заклейменный весь мир голодных и рабов...» Песню быстро подхватили делегаты конгресса, и «Интернационал» был спет с большим подъемом.

В третий раз мне удалось заснять Владимира Ильича на одном из первых профсоюзных съездов в группе делегатов. Как это часто бывает, среди присутствующих нашлись фотолюбители. Желая мне помочь, они начали давать мне советы и отвлекали от съемки. Владимир Ильич заметил мое волнение и полусерьезно сказал:

— Не будем мешать! Сейчас диктатура фотографа!

Первый портрет товарища Ленина, заснятый мной, разошелся в миллионах экземпляров по всему миру.

При первой съемке мне посчастливилось получить автограф Владимира Ильича.

